

СОЛЖЕНИЦЫН ВОЗВРАЩАЕТСЯ.

Сознательно ставлю в конце фразы точку, а не вопросительный знак. Так хочется в это верить. По некоторым заслуживающим доверия сведениям жена писателя Наталья Дмитриевна скоро должна приехать в Москву, чтобы решить практические вопросы, связанные с переездом семьи Александра Исаевича из Вермонта на родину.

СОЛЖЕНИЦЫН возвращается. Прежде всего своими книгами. Вот они выстроились на полке: «Архипелаг ГУЛАГ», «В круге первом», «Не стоит село без праведника», «Рассказы»... И не надо их больше прятать, читать тайком самиздатовские, напечатанные на машинке без интервала (для экономии места), насуп сбросированные тетрадки. Изданы книги легально, в наших типографиях, одни полиграфически исполнены лучше, другие хуже (сам Александр Исаевич, правда, недоволен внешним видом многих из них), но изданы сотнями тысяч экземпляров, а это ли не великая радость для писателя — знать, что его произведения читают в стране, в которой он родился, столько выстрадал и для народа которой он, собственно, писал и пишет.

Шло лето 1973-го, КГБ усиленно искало текст «Архипелага ГУЛАГ». Солженицын пишет: «Я так видел и намечал, что «Архипелаг» издадим весной 1975. Но сроки уже сгущались иные...». 4 августа в Ленинграде арестовали Елизавету Денисовну Воронянскую, знавшую, где спрятан один из экземпляров книги. Каким методом подвергали на допросах страдальцу Кью (так звал ее Солженицын), неизвестно. Но факт остается фактом: «Архипелаг» попал в руки Лубянки. Будучи отпущенной, Кью вскоре повесилась в своей коммунальной квартире. Солженицын, разумеется, знал гигантскую взрывчатую силу своего произведения. Понимал и то, что такую книгу режим ему не простит. Оттого и не спешил с публикацией на Западе. После того, как погибла Кью и был захвачен пота-

ние Солженицына является нарушением общепризнанных прав человека и что это может помешать дальнейшему развитию дружеских отношений и сотрудничества между СССР и США. Телеграммы продолжают поступать». Синею ручкой начертано: «Тов. Подгорному Н. В. доложено. В ЦК КПСС направлена информация и чья-то неразборчивая подпись.

«Я привык верить, что Советский Союз не является тоталитарным государством, в чем убеждает нас наша правительственная пропаганда. Однако недавний арест Александра Солженицына опровергает идею о существовании интеллектуальной свободы в Советском Союзе.

сильев из Южно-Уральска («выдворение Солженицына — триумф нашего правосудия. Слишком мягко по сравнению с тридцать седьмым годом»), Григорян из Степанакерта, «писатель-коммунист» Карбелашвили из Тбилиси — все одобряют и поддерживают.

Что ж, удивляться не приходится. Подвергшиеся суровой идеологической обработке, несущие мифологическую веру в самое совершенное устройство СССР, тысячи наших сограждан искренне считали: Солженицын является злейшим врагом государства. Прозрение пришло позднее. А ко многим так и не пришло по сей день.

Достоин удивления другое. Из 89 писем и телеграмм, поступивших до 22 февраля в Кремль, авторы 32 отнюдь не били в литавры по поводу случившегося. Более того, они открыто выражали несогласие с тем, как режим поступил с писателем. Из 32 таких откликов 10 пришли из Москвы, 3 — из Московской области, 2 — из Ленинграда и еще из 14 краев, областей и городов. Лишь треть из них — анонимна. Свои подписи с осуждением вопиющего произвола властей поставили 56 инженеров института организации, механизации и технической помощи строительству, рабочие московского завода «Знамя революции», а также Ш. Губаев, А. Селунев, К. Шаталов, И. Семенов, Б. Покарчук, В. Зуев, А. Ворхясов, Н. Альшанский, Е. Давыдович, Л. Овсицер, М. Гегамян и другие.

«С возмущением узнал об изгнании писателя А. Солженицына из родной страны. Протестую против подобного акта. Поддерживаю Солженицына в его антикоммунистических выступлениях. В. Влибин, рабочий». «Я, Дубченко Г. В., гражданин СССР, рабочий, член

Вечерняя Москва - 1992 - 15 апр

"...ОН ВАМ СТРАШЕН..."

Солженицын возвращается в Россию. Прежде всего своими книгами — таково было его неременное условие. Оно в какой-то степени выполнено, хотя главные издания — впереди. Теперь можно надеяться на сам, так сказать, физический акт приезда домой. Непримиримый оппонент Солженицына Андрей Синявский, живущий во Франции, как-то обронил, что телу писателя все едино, где пребывать, ибо от перемены местожительства он не перестает делать свое дело. Это справедливо лишь отчасти. Конечно, вермонтское «затворничество» пошло Солженицыну на пользу, он получил возможность спокойно, вдали от недремлющего ока КГБ, работать над своими «узлами» исторической эпохи «Красное колесо». Но душой он не расставался с Россией, заботился ее обустройством, будучи уверенным, в отличие от многих, что крах коммунизма неизбежен и скор.

Солженицын возвращается после 18 лет вынужденной разлуки. Чем мы встретим его? Разоренным, нищим, недобранным? Политическими играми коммунистов-перевертывшей, ныне именующих себя «демократами»? Угасающей надеждой на лучшие времена? Прежде всего мы должны встретить его словом, очищенным от лжи. Ведь он призвал нас «жить по правде». А слово наше, обращенное к писателю, вначале должно открыть еще вчера потаенные двери архивов, где лежат документы, касающиеся самого Александра Исаевича.

...Сотрудник Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР) Игорь Артюхович кладет передо мной несколько аккуратных фиолетовых папок. На них «шапка» — «Верховный Совет СССР, Президиум» и пометки: «Не подлежит оглашению», «Хранить постоянно». Это лишь малая толика архива высшего органа государства, переставшего существовать. Архив передан в ЦГАОР. В папках — документы, связанные с Солженицыным.

Прежде всего это Указ Президиума Верховного Совета «О лишении гражданства СССР и выдворении за пределы СССР Солженицына А. И.». Документ никогда не публиковался, на него лишь делалась ссылка в известном сообщении ТАСС. Привожу текст полностью.

«Учитывая, что Солженицын систематически совершает действия, не совместимые с принадлежностью к гражданству СССР, наносит своим враждебным поведением ущерб Союзу ССР, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

На основании статьи 7 Закона СССР от 19 августа 1938 года «О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик» за действия, порочащие звание гражданина СССР, лишить гражданства СССР и выдворить за пределы СССР Солженицына Александра Исаевича, 1918 года рождения, уроженца гор. Кисловодска.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Подгорный.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. Георгадзе.
Москва, Кремль.
12 февраля 1974 г.
№ 5494-VIII».

Нелишне воссоздать ситуацию тех далеких месяцев. Писатель коснулся ее в работе «Бодался теленок с дубом». И все же кое-что напомним читателям.

енный текст, твердо решает: «Взрывать!». Тайным звонком устраивает встречу с западным журналистом Стигом Фредриксоном и передает сообщение о взятии «Архипелага» («и тайный приказ — немедленно печатать!»).

Цитата из «Теленка»: «После моих резких выступлений всегда писала мне Кью: «Зачем устраивать корриду при таком неравенстве? Зачем вы торопите события?». Но никто не торопил их так, как она. Эта больная одинокая старая женщина, того не готовя и в ужасе вся, — толкнула грозный валун «Архипелага» покатыми на мир, на нашу страну, на мировой коммунизм».

Книга вышла за рубежом. Началось чтение ее по разным «голосам». Кольцо вокруг писателя на его родине сжимается все сильнее. Согласно разработанному в недрах андроповского ведомства и утвержденному в ЦК сценарию, первый удар наносит газета «Правда». 14 января 1974-го она печатает статью некоего И. Соловьева «Путь предательства». «В последние дни буржуазная печать развернула антисоветскую шумиху в связи с публикацией на Западе очередного клеветнического сочинения А. Солженицына под названием «Архипелаг ГУЛАГ». Статья заканчивается так: «Солженицын удостоился того, к чему столь усердно стремился, — участи предателя, от которого не может не отвернуться с гневом и презрением каждый советский труженик, каждый честный человек на земле».

Эстафету подхватили другие издания. Особо злобствует «Литературная газета». 16 января она печатает статью «Кому выгода антисоветская шумиха». Чего стоит подзаголовок: «По поводу очередного пасквиля литературного влосовца». И далее, 23, 30 января и 13 февраля одна за одной идут подборки «Отпор литературному влосовцу». Подписи под откликами, клеймящими Солженицына, принадлежат Сергею Михалкову, Петру Бровке, Олеся Гончару, Григолю Абашидзе, Олегу Смирнову, Ануару Алимжанову, Анатолию Ананьеву, Феликсу Кузнецову, Вилло Липатову, Александру Рекомчуку и другим. Можно сказать, «цвету» тогдашней официальной советской литературы. Наконец, 20 февраля, уже после «выдворения» писателя, подборка «Конец литературного влосовца». И опять клеймят, позорят. На сей раз Степан Шипачев, Михаил Алексеев, Борис Дьяков, Петр Проскурин... Там же на целый разворот статья неизвестного историка Н. Н. Яковлева (того самого, кому академик Сахаров дал пощечину за оскорбление в печати Елены Георгиевны Боннэр). Статья называется просто и незатейливо — «Продавшийся».

Тому 18 лет, но забыть это нельзя.

Однако вернемся к архивным папкам. В одной — телеграммы и письма, поступившие из-за границы в адрес Президиума Верховного Совета СССР «в связи с лишением Солженицына советского гражданства и выдворением его из страны». В открывающей папку справке, в частности, говорится: «...В течение 12—13 февраля получено более 20 телеграмм: из США — 16, остальные — из Англии, Италии, Австралии и Швейцарии. Телеграммы поступили от Ассоциации американских издателей, Американской лиги защиты прав человека, Чикагского общества писателей и редакторов, американского Пэн-клуба, швейцарской секции ассоциации «Международная амнистия»... В телеграммах высказывается протест против задержания Солженицына... В отдельных телеграммах указывается, что задержа-

ние Солженицына является нарушением общепризнанных прав человека и что это может помешать дальнейшему развитию дружеских отношений и сотрудничества между СССР и США. Телеграммы продолжают поступать». Синею ручкой начертано: «Тов. Подгорному Н. В. доложено. В ЦК КПСС направлена информация и чья-то неразборчивая подпись.

«Лауреат Нобелевской премии, уважаемый во всем мире великий писатель Александр Солженицын насильно заключен в тюрьму своим правительством... Призываем немедленно освободить Солженицына и прекратить в отношении его угрозы и преследования. Жерзи Косински, президент американского Пэн-клуба, Генри Карлиси, председатель Комитета за свободу писать (США)».

«Москва, Кремль, Подгорному. Сэр, ваш бесчеловечный арест г-на Солженицына безобразен и невыносим. Я требую его освобождения. Ник Истон».

«Оплакиваю арест Александра Солженицына. Права человека нарушены в международном масштабе этим ненужным и провокационным действием. Джон Апдайк».

«Солженицын принадлежит миру. Вы не можете заставить его замолчать. Левис Мумфорд (Нью-Йорк)».

Герхард Штраль, рабочий из ФРГ, обратился в Президиум Верховного Совета по вопросу о Солженицыне. Его удивляет тот факт, что в СССР писатель, поэт, журналист, историк или просто рабочий не может открыто высказать свое мнение.

«Мы потрясены высылкой Александра Солженицына, поскольку речь идет о прямом нарушении статьи 9 Всеобщей декларации прав человека. Мы надеемся, что писателю будет предоставлена возможность свободно вернуться в Советский Союз. Швейцарская секция ассоциации «Международная амнистия».

В те же дни поступили в Кремль и письма, телеграммы советских граждан. Они содержатся в отдельной фиолетовой папке. Читаю на выбор.

«Уважаемый тов. Подгорный Николай Викторович! Прослушав заявление ТАСС о лишении Солженицына советского гражданства, я, как и миллионы соотечественников, одобряю это решение... Мы презираем тех, кто низводит себя до положения раба, и променяв совесть и честь на спекулятивные цели, клеветят на наш народ, его героические подвиги в строительстве коммунизма. Л. Туттов из Запорожья».

Москвичка, ветеран войны Верницкая: «Большое спасибо за выдворение Солженицына из нашей страны».

Стрельцов из Гатчины, «автор девяти художественных книг, не член ССП». Силаков из Ленинграда, Арановский из Курска («глубоко удовлетворен вашим решением о выдворении литературного фашиста из нашей страны. Пусть попробует пожить без родины»), Асеева из Петропавловска-Камчатского, сестры Бояджяны из Львова, семья Снегиревских из Джамбула, Ва-

КПСС, не могу поддержать Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении гражданства и высылке за пределы нашей страны Солженицына А. И. Считаю, что человек, получивший гражданство по праву рождения в нашей стране, не может быть лишен его за то, что имеет собственный взгляд на некоторые процессы общественной жизни и не скрывает его от других людей».

«Александр Солженицын, бесспорно, один из самых последовательных, активных и мужественных приверженцев благородных идей и решений XX—XXII съездов партии. За это в сущности его и преследовали. Это и вызывает к нему у каждого мыслящего человека, подлинного патриота глубочайшее уважение и симпатию. А. Круглов, журналист из Севастополя».

А. Мердеев, адвокат из Ульяновской области: «Н. В. Подгорному. ...высвал писателя, вы признали, как он вам страшен. Невольно родится другая вера — в возможность возвращения литератора со временем на родину, когда его поймут».

Надо было как-то отреагировать на такую нежданную почту. И тогда сотрудники аппарата Президиума Верховного Совета сочиняют такую бумагу «наверх», совершенно в духе того времени: «В части поступивших писем выражено негативное отношение к оценке действий Солженицына А. И., лишению его гражданства СССР и выдворению за пределы страны. Авторами этих писем являются, главным образом, граждане, подвергшиеся ранее общественным, административным и судебным мерам воздействия за разного рода нарушения... Из ряда этих писем следует, что их авторы находились на лечении в психиатрических больницах...».

Редкая осведомленность у кремлевских клерков! Вполне понятно, тут не обошлось без участия КГБ, по всей видимости, имевшего (или быстро составившего) досье на этих, безусловно, мужественных людей, знавших, какому риску подвергают себя...

Странным мне показалось то, что среди авторов писем и телеграмм протеста не оказалось писателей, ученых, общественных деятелей. Но такие были, и не один! Мы знаем их имена из передач западных радиостанций. И тем не менее никто из них напрямую не обратился в верховный орган власти, принимающий решение о Солженицыне. Во всяком случае, таких писем в архивных папках нет. Не хотели утруждать себя сочинением бесполезных бумаг, предпочтя более быстрый путь донесения информации через радиоголоса? Возможно.

Из нескольких имен людей, протестовавших тогда (кроме, конечно, активных правозащитников), в памяти засели два: Корнилов и Богатырев. Владимир Корнилов был исключен из Союза писателей, его надолго отлучили от литературы. Поэта и переводчика Константина Богатырева забили насмерть возле собственного дома «как-то хулиган».

...Солженицын возвращается. В том числе и архивными документами, только сегодня открытыми для ознакомления. Лучше поздно...

Давид ГАИ.

Редкий снимок писателя. Из архива автора.